

русской феодальной литературы путем социального переосмысления создается один из любопытнейших литературных памятников бытового реализма конца XVII в.

Именно в этом «социальном переосмыслении» ключ к пониманию и идейного смысла и стиля «Повести о Савве Грудцыне». Именно в этом «социальном переосмыслении» — сущность художественного метода автора нашей повести. Демонологический сюжет ее, как широкой рамкой, окаймляется описанием большой исторической эпохи. Художественные образы повести, образы «неверной» и «злой» жены, «прельщенного» отрока и искусителя-дьявола, вне всякого сомнения, традиционны и восходят к типичным образам ветхозаветной поэзии и литературы первых веков христианства. Но в повести они приобретают конкретный облик людей определенной социальной группы — русского купечества XVII в.: молодой «третьим браком новоприведенной» жены престарелого Бажена и купеческих сыновей, разъезжающих по водным торговым путям Московской Руси и переживающих ряд приключений, на которые их подталкивает характерная для представителей крупного торгового капитала XVII в. жажда выслужиться, перескочить из своей социальной группы в дворянство, ближе стоящее ко «двору» и власти. И все это в аспекте несколько пессимистического восприятия идеолога купечества последней трети XVII в., наблюдающего пошатнувшееся положение дорогой ему социальной группы, консерватора, видящего спасение в укреплении основ старины.

И не только идейный смысл и художественные образы «Повести о Савве Грудцыне» запечатлены этим социально-осмысленным отношением к традиционному литературному наследию. Новое отношение к элементам традиции характерно и для композиции повести. Ветхозаветная легенда об Иосифе прекрасном в повести дана в новой вариации, в сильно измененном виде; она поставлена в бытовую обстановку купеческого дома одного из второстепенных городов «Соли камской»; ее конец видоизменен согласно основному заданию повести: Савва нарушает устой старой жизни — крепкого брака, юношеского целомудрия. Распространеннейший мотив «искушения в пустыне», в развертывании которого чувствуется определенная близость повести к легенде о Месите Чародее, также получает иное разрешение, композиционно подчиняясь основному заданию повести: Савва забывает испытанное средство спасения в опасные моменты жизни — религию. Мотив о плачущем старце — это, в отдаленном прошлом, «чюдо» Павла Простого — также видоизменен в нашей повести и в том же направлении. Если в легенде о Павле Простом грешник раскаивается, и лицо его